

Documents

Charter 77 on 19-th Anniversary of Invasion.	252
Anatoly Marchenko. The Open Letter on Czechoslovakia	257
Soviet Independent Socialist Clubs Declaration	264

Our Archive

Declaration of Independence of the USA and the Articles of Confederation	268
About the Authors	293

СТАТЬИ

Н. Берегов

РЕФОРМИСТЫ В ЦЕЙТНОТЕ

Когда М.С. Горбачев пришел к власти, западная печать писала о нем в целом сочувственно, однако большинство серьезных наблюдателей предупреждало, что не надо ждать слишком многого. В развернувшейся тогда дискуссии явно брали верх те, кто не надеялся на серьезные перемены в СССР. Точно так же рассуждали и многие внутри страны.

К концу 1986 г. преобладало уже совершенно иное настроение. Все говорили об успехах Горбачева, о переменах, медленно, но упорно проводящихся в жизнь, о политическом торжестве реформизма. В 1985 г. А. Зиновьев, выражая мнение многих эмигрантов, заявил, что новый Генеральный секретарь никогда не освободит из горьковской ссылки Сахарова и никогда не выведет войска из Афганистана; если же Горбачев попытается сделать это, он потеряет свой пост... В июле 1986 г. было объявлено о сокращении численности экспедиционного корпуса в Афганистане, а в январе 1987 г. поддерживаемое СССР кабульское правительство уже обратилось к партизанам с призывом о национальном примирении, поскольку Москва требовала как можно быстрее и в сущности любой ценой создать условия для вывода войск. Сахаров новый 1987 г. встречал уже дома в Москве и мог комментировать происходящие события, выступая перед иностранными журналистами в останкинской телецентре (хотя, разумеется, советские телезрители не получили возможность увидеть его интервью). Между тем, власть Горбачева оказалась прочна как никогда.

В действительности западные оценки были одинаково

неверны и в 1985 и в 1986 гг. Это закономерно: большинство иностранных наблюдателей (включая и многих эмигрантов) исходило из весьма поверхностного понимания нашего общества. Пессимизм первых месяцев „горбачевской эры” был так же необоснован, как и последующий оптимизм. Для того, чтобы разобраться в этом парадоксе, необходимо снова проанализировать события противоречивого 1986 г. и попытаться понять их внутреннюю логику.

По китайскому календарю это был „год тигра” или „год катастроф и перемен”. Увлечение восточной астрологией, распространившееся повсюду в Европе с конца 70-х годов, давно уже стало типично и для наших людей. Но никогда еще к азиатским приметам не относились так серьезно. Изображения тигра появились буквально везде. В стенгазетах серьезных учреждений помещались гороскопы, указывавшие на неизбежность „политических перемен”. Официальные издания на последних страницах непременно давали астрологические прогнозы с ссылкой на западные или азиатские источники. Можно сказать, что всеми овладели предчувствия новых возможностей и страх перед неконтролируемыми опасностями.

Худо ли, хорошо ли, но год оправдал свое название. И катастроф и перемен было повсюду с избытком: убийство шведского премьер-министра Пальме, гибель американских астронавтов на борту космического челнока, свержение диктатуры Маркоса на Филиппинах и т.д. и т.п. Тем не менее Советский Союз как всегда побил все рекорды. Одной лишь катастрофы в Чернобыле хватило бы, чтобы этот год навсегда остался в истории человечества.

Не будем здесь анализировать причины и последствия чернобыльской трагедии. В данном случае существенно другое. События, произошедшие весной 1986 г. на Украине, были только частью в целой серии катастроф, следовавших одна за другой. В печать попало сообщение о гибели в Черном море парохода „Адмирал Нахимов”, вместе с которым пошли на дно человек 400 пассажиров и членов экипажа. Однако министерство путей сообщения не предоставило обществу сведений о многочисленных крушениях поездов, приведших к ужасным человеческим жертвам. С опозданием центральные газеты известили население

о взрыве на угольной шахте в Донбассе и пожаре на ведущей теплоэлектростанции Азербайджана, в результате чего вся система энергоснабжения Закавказья неделю не могла нормально функционировать. О гибели атомной подводной лодки в Атлантике власти так и не сообщили никаких подробностей.

Все эти неприятности не были случайны. Пример железных дорог, менее всего исследованный, наиболее показателен. На протяжении многих лет здесь накапливались нерешенные проблемы. Брежневский принцип „не трогать дребезжащий механизм” в данном случае был проведен в жизнь последовательно и буквально. В известном смысле брежневский подход себя оправдал: ситуация ухудшалась, но медленно и постепенно. Напротив, когда новое руководство стало требовать от министерства резко улучшить положение, это привело лишь к выявлению скрытых проблем. Некомпетентные, поспешные меры по оздоровлению железнодорожного хозяйства дали обратный эффект: количество аварий выросло в 1986 г. на 30% (хотя число наездов на пьяных, спящих на рельсах, сократилось на 20% благодаря антиалкогольной политике Горбачева). Стараясь быстро улучшить показатели работы дорог, министерство прибегло к массовым и безжалостным увольнениям, заставив оставшихся работников резко увеличить интенсивность труда. Это, в сочетании с нервозностью и растерянностью управленческого персонала, привело к множеству аварий и катастроф.

События на железных дорогах дают нам общую модель происшедшего. Неприятности были вызваны выходом на поверхность застарелых проблем и непродуманными попытками их решения. Можно ли считать это закономерной „ценой перестройки”? Ответ на данный вопрос не так уж прост. Гибель людей действительно часто оказывается ценой общественного прогресса, но только не надо делать отсюда вывода, будто когда люди гибнут под колесами электровоза, а не под копытами лошади — прогресс налицо, принятые меры именно потому и вели к разного рода неприятностям и жертвам, что не обеспечивали подлинной перестройки. И это тоже не случайно.

Отличие перемен в СССР от реформ в Венгрии при Кадаре или от „дражской весны” состоит не в степени радикализма. В этом отношении процесс горбачевской перестройки выгодно

отличается от мер, проводившихся Кадаром в 1962-1968 гг. Разница в том, что и в Венгрии и в Чехословакии имелся более или менее развитый реформистский проект, вокруг которого консолидировался широкий социальный блок. Чехословацкий проект был сформулирован позднее венгерского и оказался радикальнее, что и предопределило его гибель — успех радикальных реформ вызвал появление советских танков на улицах Праги. Тем не менее и чехословацкий и венгерский варианты реформы при всем их различии были основаны на четкой социально-политической концепции. Далеко не все шло гладко. Приходилось преодолевать сопротивление консерваторов, но важно, что сами реформисты имели ясную программу, которая и проводилась в жизнь.

Ничего подобного не было в Польше в 1980-1981 гг. В данном случае ни партийная верхушка, ни „Солидарность” и другие оппозиционные группы не имели своего реформистского проекта. Проводившиеся меры оказывались не результатом борьбы за реализацию определенного, заранее разработанного плана, а лишь отражением сложившегося в данный момент стихийного соотношения сил и интересов. Сам по себе процесс был неконтролируем, в стране не было силы, способной к политической гегемонии. Все это предопределило в конечном счете неудачу революции.

Перемены, происходящие в нашей стране, на первый взгляд ближе к венгерской или чехословацкой модели. Инициатива перестройки исходит сверху, а не снизу (как в Польше). Группа новосибирских экономистов во главе с А. Аганбегяном, сделавшимся личным советником Горбачева, не скрывает своего восхищения венгерским опытом. Идеология „рыночного социализма” провозглашается на страницах газет и с экранов телевидения. Ее главный популяризатор П. Бунич восхваляет всеишие рынка не менее восторженно, чем это делает в Чикаго Милтон Фридман. Правда, здесь мы уже замечаем различие между СССР и Восточной Европой: чехословацким и венгерским экономистам идеализация рынка не была свойственна. Теоретики „пражской весны” хотели использовать рынок как источник информации об эффективности принимаемых решений, а главной заботой своей считали создание демократического механизма

планирования, допускающего широкое участие низов. Именно так рассуждают и наиболее левые советские авторы (например — Акад. Т. И. Заславская, Б. П. Курашвили и др.). Если сторонники перестройки все сходятся на необходимости использования рынка, то они расходятся в вопросе о том, для чего его использовать. Бунич видит в рынке цель, Заславская — средство. Наконец, целая группа технократических экспертов надеется использовать рынок как дополнительный, компенсационный механизм, существующий с немного упорядоченным бюрократическим планированием. Аганбегян, сам не принадлежащий к технократам, охотно с ними сотрудничает.

Как видим, единой концепции нет у самих сторонников перестройки, разумеется, различие мнений среди ученых — явление нормальное. Однако задача политиков в том и состоит, чтобы синтезировать разнообразные требования и предложения в единый проект, пользующийся поддержкой широкого социального блока. На практике ничего подобного не происходит. Каждая группа экспертов имеет своих сторонников среди партийно-государственной верхушки. В итоге начинают одновременно проводиться эксперименты и мероприятия, отражающие воззрения разных групп и противоречащие друг другу. Попытка реорганизации железных дорог в духе идей Бунича и Фридмана при одновременном сохранении бюрократической структуры на уровне министерства уже дала катастрофические результаты. Законы о нетрудовых доходах и об индивидуальной трудовой деятельности вместо того, чтобы дополнять друг друга, противоречат друг другу. Местным властям предоставлено право интерпретировать неясные места закона, что ведет к совершенно разным подходам в разных областях и республиках. Даже самые оптимистичные эксперты признают, что за пределами Москвы, Ленинграда и некоторых союзных республик закон об индивидуальной трудовой деятельности останется на бумаге. Если же какое-то согласование конкурирующих идей производится, то путем эклектического соединения одних предложений с другими.

Концепция демократизации хозяйственной и социальной жизни, взятая на вооружение группой Заславской и Курашвили, могла бы послужить основой для консолидации реформистов.

Не надо думать, будто в работах этих авторов есть ответы на все вопросы. Но они предлагают последовательную программу, способную привлечь на свою сторону как значительную часть менеджеров, так и широкие слои грядущих. Тем не менее горбачевское руководство не решилось принять подобную концепцию: отсутствовали единство и политическая воля.

Консерваторы потерпели в 1968 г. ряд поражений. XXVII съезд ослабил их позиции в высших эшелонах партии. Правда, сторонники брежневизма очень быстро объединились с частью технократов, ранее поддерживавших перемены. С точки зрения последних, перестройка благополучно завершилась сменой поколений наверху и упорядочением централизованной системы управления. Дальнейшие эксперименты по децентрализации и демократизации системы воспринимаются ими как „издержки перемен“. Высшая технократия предала Хрущева в 1964 г. Теперь, добившись удовлетворения своих требований, она охладела и к Горбачеву. Этот неоконсервативный блок стал главной угрозой для реформистов. Пост председателя Совета министров, перешедший от старого ретрограда Н. Тихонова к молодому технократу Н. Рыжкову, остался оружием в руках антиреформистских сил. И все же Горбачеву удалось умелым маневрированием укрепить свои позиции. Большой мастер бюрократических комбинаций, он сумел обеспечить себе неустойчивое, но достаточное для принятия конкретных решений большинство в руководящих партийных органах. Сторонники перемен постоянно оказывались сильнее. Однако для торжества реформы этого явно недостаточно.

Консерваторы знают, чего они хотят. Про деятелей перестройки этого не скажешь. Они получили реальную, хотя и не полную власть, но у них нет ни стратегии, ни единодушия.

Мнение, будто в нашей стране имеет место постепенная реформа, встречающая сопротивление, но все же последовательно проводимая в жизнь — чистейшая иллюзия. Не имея ни стратегии, ни социально-экономического проекта, правящая группа вынуждена жить только сегодняшним днем, прибегая, чтобы удержаться у власти, к всевозможным политическим комбинациям и сомнительным компромиссам как правительства меньшинства в худшие годы французской третьей или

четвертой республики. Борьба реформистов и консерваторов ведет не к торжеству мудрой реформы (как у Дэн Сяопина в Китае), а к политическому хаосу. Волнения в Казахстане, возникшие в декабре 1986 г., очень показательны. Даже казахи, не испытывавшие к отстраненному от руководства в республике Кунаеву большой симпатии, были возмущены, когда на его место поставили русского. Между тем, никто не собирался оскорблять коренное население или провоцировать беспорядки. Перед нами обыкновенный пример политической некомпетентности.

Борьба вокруг январского пленума 1987 г., от которой ожидали важных сдвигов в политической ситуации, не дала ни одной из группировок реальной победы. Горбачев выступил с речью, полной прекрасных обещаний, но в постановлении ЦК КПСС отсутствовали наиболее важные положения его доклада. К тому же разговор о выборах руководителей предприятия останется бессмысленным, если не будет проведена широкая и комплексная реформа. Уже в дни пленума хозяйственные руководители открыто заявляли, что никаких выборов не допустят. Если не создаются работающие институты производственной демократии, выборы либо превращаются в пустую формальность, либо дезорганизуют производство. Рабочие, как правило, отнеслись к обещаниям лидера довольно скептически. Отсутствие налаженной системы демократической информации на предприятиях в любом случае не дает им возможности эффективно воздействовать на принятие решений (независимо от того, будут или не будут проводиться выборы). В постановлении не говорилось и об обещании Горбачева выдвигать несколько кандидатов на каждое место в Советах (включая и Верховный Совет). Эта реформа, в случае успеха, могла бы означать некоторое ослабление системы политического контроля, но никоим образом ни ее ликвидацию. Говорить о демократии всерьез при такой постановке вопроса не приходится. Даже относительно свободный выбор между кандидатами не заменяет действенных демократических институтов. И в производственной и в политической жизни возникает одна и та же проблема: Горбачев призывает к проведению демократических мероприятий без создания демократических структур.

В целом Горбачев вел себя как лидер оппозиции: произносил радикальные лозунги и занимался критикой. Он говорил прекрасные слова о свободе, причем нет оснований сомневаться в его искренности. Гораздо больше сомнений вызывает его компетентность. Утверждая в заключительном слове, что в ЦК существует полное единство, он одновременно призвал кончать дискуссию о том, нужна ли вообще перестройка. Если в ЦК полное единство, то кто с кем дискутировал? В открытой печати, по крайней мере, такая дискуссия даже не начиналась. Просто „провозгласили прогресс“, и мы все побежали за ним следом (некоторые даже впереди). А между тем, стране очень нужна открытая и серьезная политическая дискуссия. И времени для нее остается все меньше.

Несмотря на то, что основная борьба ведется в правящих кругах, а инициатива перемен исходит сверху, процесс социальных преобразований (как и в Польше!) является неконтролируемым. В результате по мере движения вперед проблемы не разрешаются, а обостряются.

Проходящая в стране демократизация совершенно реальна. Пресса стала гораздо свободнее, полномочия цензуры ограничены, возникают новые формы социальной активности, немалые ранее. Можно сказать, что демократизация уже коснулась широких масс, хотя и не повсюду. Это, пожалуй, главное завоевание Горбачева. Парадокс в том, что первоначально демократизация планировалась как своего рода политический десерт к основному блюду — хозяйственной реформе. Горбачев надеялся заняться подобными проблемами после того, как удастся, по его выражению, „раскачать маховик“ структурной перестройки. На практике же вышло наоборот: провести культурную либерализацию и расширить права граждан оказалось гораздо легче, нежели изменить систему управления производством. В итоге новая свобода вступила в противоречие со старыми экономическими отношениями. Аналогичные структурные противоречия возникли, впрочем, и в самой культурно-идеологической сфере. Журналисты получили возможность говорить о действительных проблемах и критиковать некоторые действия официальных кругов (например, „Литературная газета“ начала борьбу против Министерства связи, стремящегося повысить

плату за телефон). В то же время основная структура и методы действия пропагандистского аппарата остались неизменными. В одной и той же газете передовица и основная масса статей совершенно противоречат друг другу. Новая правда сосуществует со старой ложью. Все это обостряет социальную напряженность и дестабилизирует ситуацию.

Потенциал массового недовольства, накопившегося еще при Брежневле, очень велик, но у реформистов не хватает смелости его использовать. Они не понимают, что *возможности, упущенные сегодня, могут обернуться угрозами завтра.*

Следует учесть, что в отличие от Польши, авторитет партии в массах еще довольно велик, но именно поэтому к ней предъявляются завышенные требования, зачастую несовместимые с ее реальной общественной ролью. Иллюзии масс относительно властей могут вести к действиям в конечном счете небезопасным для самих властей — как уже было не раз в русской и советской истории.

Неоконсерваторы, со своей стороны, не собираются пассивно ожидать последствий демократизации. Они уверены, что долго так продолжаться не может. При первом же крупном экономическом провале реформизма они попытаются вернуть себе инициативу и „нормализовать“ обстановку. Празднование 70-летия октября они пытаются использовать как повод для консолидации своих сил и начала контрнаступления.

Несостоятельность реформы сверху заставляет думать о левой альтернативе, опирающейся на низы и средние слои. На деле, однако, нынешняя ситуация крайне осложняет формирование такой альтернативы. Можно вспомнить, как в начале XX века западные социалисты спорили об отношении к реформистским верхам: поддерживать их — значит сомкнуть с одной из фракций правящего класса, а выступать против или отстраняться от борьбы — значит лить воду на мельницу реакции. Большинство левых в СССР сейчас ведут себя как представители радикального крыла горбачевской перестройки. Это закономерно и разумно, но в сложившейся обстановке этого уже недостаточно.

Экономическая ситуация, несмотря на победные реляции официальной статистики, складывается неблагоприятно.

Противоречивые и непоследовательные меры, предпринимаемые для перестройки управления, дезориентируют директоров предприятий. Главная проблема советской экономики — проблема дефицита ресурсов, порождаемого расточительностью системы, — остается неразрешенной. Социальные программы Горбачева (повышение зарплаты некоторым категориям трудящихся, увеличение срока послеродового отпуска для женщин и т. п.), безусловно, необходимы, но на первых порах они лишь обострят дефицит ресурсов.

В подобных условиях нет оснований надеяться на длительный экономический подъем. Неэффективность принятых мер должна выявиться весьма быстро, и это несомненно будет использоваться консерваторами как повод для контрнаступления. Таким образом, реформизм оказывается в цейтноте. Единственным выходом остается радикализация „политики перестройки“, но именно здесь особенно сказывается отсутствие радикального мышления, нового общественного проекта.

Цейтнот реформизма и отсутствие оформленной левой альтернативы у многих вызывают пессимизм. Разумеется, возврат к брежневизму невозможен. Старая политика исчерпала себя. Психологическое равновесие 70-х годов нарушено. Компромисс между всеми фракциями верхов сменился противоборством, развивающимся по своей логике. В стране просто нет ресурсов для возврата к брежневской модели. Таким образом, реальный выбор, стоящий перед нами, не между брежневизмом и горбачевщиной, патриархальным консерватизмом и умеренной реформой, а между тоталитарной реакцией и вынужденной радикализацией „перестройки“. Понимание того, что возврат к консерватизму уже невозможен без широких репрессий, толкает влево значительную часть либеральных верхов и средние слои. Таким образом, объективно почва для левой альтернативы в стране существует.

Для паники также нет оснований, как и для эйфории. В подобных условиях людям, искренне стремящимся к демократическому и социалистическому обновлению, не остается ничего другого, кроме как следовать лозунгу парижских коммунаров, который постоянно цитировал Антонио Грамши: Пессимизм разума, оптимизм воли.

Зденек Млинарж

ГОРБАЧЕВ В ОБЪЯТИЯХ БРЕЖНЕВА

Почти во всех сообщениях западных корреспондентов из Праги во время визита Горбачева отмечалось, что Горбачев и Гусак не обнимались и не лобызались. Но это не соответствовало действительности. Я собственными глазами видел на экране телевизора, что этот ритуал был соблюден, как обычно. Возможно, однако, что присутствовавшие при встрече журналисты этого не видели, поскольку обнимавшиеся и целовавшиеся лидеры были заслонены телами охранников, которых на этот раз было больше чем обычно.

Точно так же все сказанное в Праге затемнило и тот факт, что во время визита в Чехословакию Горбачев был более чем когда-либо обременен брежневским наследием. Не только Гусак, но и мертвый Брежнев душили его в крепких объятиях все эти три дня.

И все же Горбачев играет исключительно положительную и исторически важную роль. Поддержка его политики должна быть задачей номер один для всех заинтересованных в положительном развитии не только Советского Союза, но и всего современного мира. Я безоговорочно поддерживаю горбачевскую линию с самого начала и до сих пор. Именно поэтому я не могу и не намерен молчать, а указываю на рамки, ограничивающие его политику, что особенно наглядно проявилось во время его визита в Прагу.